

TRADUÇÃO

**В ЗЕРКАЛЕ,
ИЗ АРХИВА ПСИХИАТРА,
DE VALÊRI BRIÚSSOV,
TRADUÇÃO DE OLEG ALMEIDA**

Oleg Almeida

União Brasileira de Escritores, Brasil
oleg_almeida@hotmail.com

DOI: <https://doi.org/10.26512/caleidoscopio.v1i1>

В зеркале¹

Из архива психиатра

Я зеркала полюбила с самых ранних лет. Я ребёнком плакала и дрожала, заглядывая в их прозрачно-правдивую глубину. Моей любимой игрой в детстве было – ходить по комнатам или по саду, неся перед собой зеркало, глядя в его пропасть, каждым шагом переступая край, задыхаясь от ужаса и головокружения. Уже девочкой я начала всю свою комнату уставлять зеркалами, большими и маленькими, верными и чуть-чуть искажающими, отчётливыми и несколько

No espelho

Dos arquivos de um psiquiatra

Passei a gostar de espelhos desde a minha mais tenra idade. Quando criança, chorava e tremia a olhar para seu âmago transparente e veraz. O jogo predileto de minha infância era o de andar pelos quartos ou pelo jardim, levando um espelho à minha frente, mirando seu precipício, atravessando-lhe o bordo com cada passo e sufocando-me de pavor e estonteamento. Ainda menina, comecei a abarrotar meu quarto de espelhos grandes e pequenos, cujas

1 O texto original do conto é transcrito da edição: Валерий Брюсов. Повести и рассказы. Москва: Советская Россия, 1983, também disponível em formato eletrônico na Biblioteca de Maxim Mochkov (www.lib.ru).

туманными. Я привыкла целые часы, целые дни проводить среди перекрещивающихся миров; входящих один в другой, колеблющихся, исчезающих и возникающих вновь. Моей единственной страстью стало отдавать своё тело этим беззвучным далям, этим перспективам без эхо, этим отдельным вселенным, перерезывающим нашу, существующим, наперекор сознанию, в одно и то же время и в одном и том же месте с ней. Эта вывернутая действительность, отделённая от нас гладкой поверхностью стекла, почему-то недоступная осязанию, влекла меня к себе, притягивала, как бездна, как тайна.

Меня влёт к себе и призрак, всегда возникавший предо мной, когда я подходила к зеркалу, странно удваивавший моё существо. Я старалась разгадать, чем та, другая женщина отличается от меня, как может быть, что моя правая рука у неё левая, и что все пальцы этой руки перемещены, хотя именно на одном из них – моё обручальное кольцо. У меня мутились мысли, когда я пыталась вникнуть в эту загадку, разрешить её. В этом мире, где ко всему можно

imagens eram ora exatas ora um tanto distorcidas, ora nítidas ora um pouco embaciadas. Acostumei-me a passar horas inteiras, dias inteiros no meio dos mundos entrecruzados, os quais penetravam um no outro, oscilavam, sumiam e reapareciam. Minha única paixão consistia em entregar meu corpo àquelas vastidões mudas, àquelas perspectivas sem eco, àqueles universos à parte que recortavam o nosso, existentes, a despeito da consciência, ao mesmo tempo e no mesmo espaço que ele. Aquela realidade virada pelo avesso, separada de nós pela lisa superfície do vidro, inacessível, por alguma razão, ao nosso tato, atraía-me como um abismo, fascinava-me como um mistério.

Também me atraía o fantasma que surgia diante de mim, duplicando estranhamente meu ser, todas as vezes que me achegava ao espelho. Eu procurava adivinhar em que aquela outra mulher diferia de mim, como podia acontecer que a minha mão direita fosse a mão esquerda dela e que todos os dedos desta mão mudassem de lugar, embora minha aliança continuasse precisamente

притронуться, где звучат голоса, жила я, действительная; в том, отражённом мире, который можно только созерцать, была она, призрачная. Она была почти как я, и совсем не я; она повторяла все мои движения, и ни одно из этих движений не совпадало с тем, что делала я. Та, другая, знала то, чего я не могла разгадать, владела тайной, навек сокрытой от моего рассудка.

Но я заметила, что у каждого зеркала есть свой отдельный мир, особенный. Поставьте на одно и то же место, одно за другим, два зеркала – и возникнут две разные вселенные. И в разных зеркалах передо мной являлись призраки разные, все похожие на меня, но никогда не тождественные друг с другом. В моём маленьком ручном зеркальце жила наивная девочка с ясными глазами, напоминавшими мне о моей ранней юности. В круглом будуарном таилась женщина, изведавшая все разнообразные сладости ласк, бесстыдная, свободная, красивая, смелая. В четырёхугольной зеркальной дверце шкапа всегда выростала фигура строгая, властная, холодная, с неумолимым взором. Я

num dos seus dedos. Meus pensamentos se turvavam quando eu tentava esmiuçar aquele enigma e resolvê-lo. Neste mundo onde se podia tocar qualquer coisa, onde soavam as vozes, vivia eu, a real; naquele mundo espelhado, que não se podia senão contemplar, encontrava-se ela, a fantasmagórica. Quase igual a mim, ela era bem diferente; ela repetia todos os meus movimentos, porém nenhum desses movimentos coincidia com o que fazia eu mesma. Aquela outra sabia o que eu não conseguia desvendar, estava de posse de um mistério oculto, para todo o sempre, do meu juízo.

Todavia, eu percebera que cada espelho tinha seu próprio mundo à parte. Coloquem no mesmo lugar, um detrás do outro, dois espelhos, e surgirão ali dois universos distintos. E naqueles diversos espelhos surgiam, diante de mim, os fantasmas diversos, todos parecidos comigo, mas nunca idênticos um ao outro. Em meu pequeno espelho de mão vivia uma garota ingênua cujos olhos claros me recordavam a minha adolescência. No espelho redondo de minha alcova escondia-se uma mulher que já

знала ещё другие мои двойники – в моём трюмо, в складном золочёном триптихе, в висячем зеркале в дубовой раме, в шейном зеркальце и во многих, во многих, хранившихся у меня. Всем существам, таящимся в них, я давала предлог и возможность проявиться. По странным условиям их мира, они должны были принимать образ того, кто становился перед стеклом, но в этой заимствованной внешности сохраняли свои личные черты.

Были миры зеркал, которые я любила; были – которые ненавидела. В некоторые я любила уходить на целые часы, теряясь в их завлекающих просторах. Других я избегала. Свои двойники втайне я не любила все. Я знала, что все они мне враждебны, уже за одно то, что принуждены облекаться в мой, ненавистный им образ. Но некоторых из зеркальных женщин я жалела, прощала им ненависть, относилась к ним почти дружески. Были такие, которых я презирала, над бессильной яростью которых любила смеяться, которых дразнила своей самостоятельностью и мучила своей властью над ними. Были, напротив, и такие, которых я боялась, которые были слишком

desfrutara dos mais variados deleites da sensualidade, uma mulher impudente, livre, bela e atrevida. No espelho quadrangular que guarnecia a portinha de meu armário erguia-se sempre uma criatura severa, imperiosa, fria, com um olhar implacável. Eu conhecia também outras sócias minhas, as de meu tremó e do tríptico dobrável banhado em ouro, do espelho suspenso na parede, provido de uma moldura de carvalho, e do espelhinho que pendurava em meu pescoço, bem como as de muitos, muitos outros espelhos guardados em minha casa. A todos os seres que neles se ocultavam eu concedia o pretexto e o ensejo para se revelarem. Conforme as estranhas condições do mundo que habitavam, cumpria-lhes adotarem o aspecto daquele que se postasse ante o espelho, mas até em sua aparência emprestada conservavam-se seus traços particulares.

Havia mundos espelhados que eu amava; havia outros que detestava. Havia alguns em que me aprazia permanecer horas e horas, perdida em sua amplidão cativante. Havia outros que eu evitava. Quanto às minhas sócias, não gostava, cá para mim, de

сильны и осмеливались в свой черёд смеяться надо мной, приказывали мне. От зеркал, где жили эти женщины, я спешила освободиться, в такие зеркала не смотрелась, прятала их, отдавала, даже разбивала. Но после каждого разбитого зеркала я не могла не рыдать целыми днями, сознавая, что разрушила отдельную вселенную. И укоряющие лики погубленного мира смотрели на меня укоризненно из осколков.

Зеркало, ставшее для меня роковым, я купила осенью, на какой-то распродаже. То было большое, качающееся на винтах, трюмо. Оно меня поразило необычайной ясностью изображений.

Призрачная действительность в нём изменялась при малейшем наклоне стекла, но была самостоятельна и жизненна до предела. Когда я рассматривала это трюмо на аукционе, женщина, изображавшая в нём меня, смотрела в глаза мне с каким-то надменным вызовом. Я не захотела уступить ей, показать, что она испугала меня, – купила трюмо и велела поставить его у себя в будуаре. Оставшись в своей комнате одна, я тотчас подступила к новому зеркалу и вперила глаза в свою

nenhuma delas. Sabia que todas elas me eram hostis, apenas por terem de assumir a minha imagem que execravam. Não obstante, apiedava-me de algumas dessas mulheres espelhadas, perdoava-lhes seu ódio, tratava-as de modo quase amigável. Havia mulheres que desprezava, de cujo furor impotente zombava com gosto, que desafiava com minha independência e molestava com meu poder sobre elas. Havia, pelo contrário, outras de quem tinha medo, que eram fortes demais e ousavam, por sua vez, zombar de mim, que me davam ordens. Não demorava a livrar-me dos espelhos onde moravam essas mulheres, não me mirava em tais espelhos, escondia-os, doava-os, até os quebrava. Mas, após cada espelho quebrado, ficava pranteando dias inteiros por entender que destruía um universo à parte. E os semblantes daquele mundo que viera abaixo encaravam-me com reproche no meio dos seus escombros.

O espelho que se tornaria fatal para mim... comprei-o numa hastaoutonal. Era um grande tremó cujo espelho se balançava em seus parafusos. Fora a nitidez

соперницу. Но она сделала то же, и стоя друг против друга, мы стали пронизывать одна другую взглядом, как змеи. В её зрачках отражалась я, в моих – она. У меня замерло сердце и закружилась голова от этого пристального взгляда. Но усилием воли я, наконец, оторвала глаза от чужих глаз, ногой толкнула зеркало, так что оно закачалось, жалостно колыхая призрак моей соперницы, и вышла из комнаты.

С этого часа и началась наша борьба. Вечером, в первый день нашей встречи, я не осмелилась приблизиться к новому трюмо, была с мужем в театре, преувеличенно смеялась и казалась весёлой. На другой день, при ясном свете сентябрьского дня, я смело вошла в свой будуар одна и нарочно села прямо против зеркала. В то же мгновение та, другая, тоже вошла в дверь, идя мне навстречу, перешла комнату и тоже села против меня. Глаза наши встретились. Я в её глазах прочла ненависть ко мне, она в моих – к ней. Начался наш второй поединок, поединок глаз, двух неотступных взоров, повелевающих, угрожающих, гипнотизирующих. Каждая из нас старалась завладеть

extraordinária de suas imagens que me surpreendera. A realidade quimérica variava nele com a menor inclinação do vidro, mas era independente e natural em extremo. Quando eu examinava aquele tremó leiloado, a mulher que me representava lá dentro fitava-me, bem nos olhos, com certo desafio arrogante. Não quis ceder àquela mulher mostrando que ela me assustara: comprei o tremó e mandei instalá-lo em minha alcova. Uma vez sozinha no quarto, aproximei-me logo do novo espelho e fixei os olhos em minha rival. Contudo, ela fez o mesmo, e assim nos quedamos plantadas uma defronte à outra, cravando os olhos uma na outra como duas serpentes. Eu me refletia em seus pupilos, ela nos meus. Esse olhar atento deixava meu coração desfalecente e minha cabeça tonta. Por fim, com mero esforço de vontade, afastei meu olhar dos olhos alheios, empurrei o espelho com o pé, de sorte que ele ficou oscilando a embalar lastimosamente a visão de minha rival, e saí do quarto.

E foi nessa hora que travamos a luta. Não me atrevi, no dia de nosso primeiro embate, a chegar perto do

волей соперницы, сломить её сопротивление, заставить её подчиниться своим хотениям. И страшно было бы со стороны увидеть двух женщин, неподвижно сидящих друг против друга, связанных магическим влиянием взора, почти теряющих сознание от психического напряжения... Вдруг меня позвали. Обаяние исчезло. Я встала, вышла.

После того поединки стали возобновляться каждый день. Я поняла, что эта авантюристка нарочно вторглась в мой дом, чтобы погубить меня и занять в нашем мире моё место.

Но отказаться от борьбы у меня не доставало сил. В этом соперничестве было какое-то скрытое упоение. В самой возможности поражения таилась какой-то сладкий соблазн. Иногда я заставляла себя по целым дням не подходить к трюмо, занимала себя делами, развлечениями, – но в глубине моей души всегда таилась память о сопернице, которая терпеливо и самоуверенно ждала моего возвращения к ней. Я возвращалась, и она выступала передо мной, более торжествующая, чем прежде,

novo tremó ao anoitecer; estive no teatro com meu marido, ri de maneira exagerada, aparentei alegria. No dia seguinte, entrei corajosa, em plena luz de manhã setembrina, em minha alcova sozinha e fui de propósito sentar-me na frente de meu espelho. No mesmo instante aquela outra mulher também entrou porta adentro, vindo ao meu encontro, atravessou o quarto e também se sentou diante de mim. Nossos olhares se cruzaram. Lemos, uma nos olhos da outra, o ódio que nutríamos uma pela outra. Começou nosso segundo duelo, o duelo dos olhos, de dois olhares perseverantes, instigadores, ameaçadores, hipnotizantes. Cada uma de nós buscava dominar a vontade de sua rival, vencer sua resistência, submetê-la aos seus desejos. E teria sido aterrador um estranho ver duas mulheres sentadas face a face, imóveis, interligadas pelo influxo mágico do olhar, prestes a desmaiar de sua tensão psíquica... De súbito, chamaram por mim. O feitiço se desvaneceu. Levantei-me, saí.

Depois disso, nossos duelos tornavam a ocorrer todo santo dia. Eu compreendi que essa aventureira

пронизывала меня победным взором и приковывала меня к месту перед собой. Моё сердце останавливалось, и я, с бессильной яростью, чувствовала себя во власти этого взора...

Так проходили дни и недели; наша борьба длилась; но перевес всё определённое сказывался на стороне моей соперницы. И вдруг, однажды, я поняла, что моя воля подчинена её воле, что она уже сильнее меня. Меня охватил ужас. Первым моим движением было – убежать из моего дома, уехать в другой город; но тотчас я увидела, что то было бы бесполезно: покорная притягательной силе вражеской воли, я всё равно вернулась бы сюда, в эту комнату, к своему зеркалу. Тогда явилась вторая мысль – разбить зеркало, обратить мою соперницу в ничто; но победить её грубым насилием значило признать её превосходство над собой: это было бы унижительно. Я предпочла остаться, чтобы довести начатую борьбу до конца, хотя бы мне и грозило поражение.

Скоро уже не было сомнений, что моя соперница торжествует. С каждой встречей всё больше и больше

invadira minha casa com o intento de acabar comigo e de ocupar o meu lugar no mundo real.

Entretanto, faltavam-me forças para desistir da luta. Havia nessa rivalidade certo prazer esconso. A própria possibilidade de minha derrota encerrava uma tentação voluptuosa. Obrigava-me, vez por outra, a passar dias inteiros longe de meu tremó, preenchia o tempo com afazeres e diversões, mas sempre acalentava, no fundo da alma, a lembrança de minha rival que esperava, paciente e presunçosa, pelo meu retorno. Eu retornava, e ela surgia diante de mim ainda mais triunfante que dantes, crivava-me com seu olhar vitorioso e chumbava-me ao chão em sua frente. Meu coração parava de bater, e, cheia de furor impotente, eu me sentia escravizada por aquele olhar...

Assim transcorriam dias e semanas; nossa luta se prolongava, porém se tornava cada vez mais definida a vantagem de minha rival. E eis que um dia compreendi de repente que a minha vontade sucumbira à sua, que ela já estava mais forte que eu. Fiquei apavorada. Meu primeiro

власти надо мной сосредоточивалось в её взгляде. Понемногу я утратила возможность за день не подойти ни разу к моему зеркалу. Она приказывала мне ежедневно проводить перед собой по несколько часов. Она управляла моей волей, как магнетизёр волей сомнамбулы. Она распорядилась моей жизнью, как госпожа жизнью рабы. Я стала исполнять то, что она требовала, я стала автоматом её молчаливых повелений. Я знала, что она обдуманно, осторожно, но неизбежным путём ведёт меня к гибели, и уже не сопротивлялась. Я разгадала её тайный план: вбросить меня в мир зеркала, а самой выйти из него в наш мир, – но у меня не было сил помешать ей. Мой муж, мои родные, видя, что я провожу целые часы, целые дни и целые ночи перед зеркалом, считали меня помешавшейся, хотели лечить меня. А я не смела открыть им истины, мне было запрещено рассказать им всю страшную правду, весь ужас, к которому я шла.

Днём гибели оказался один из декабрьских дней, перед праздниками. Помню всё ясно, всё подробно, всё отчётливо: ничего не спуталось в

impulso foi o de fugir de casa, de me mudar para outra cidade, mas percebi logo que não adiantaria: submissa à poderosa atração da vontade adversa, eu voltaria, em todo caso, para esse quarto, para junto de meu espelho. Então me acudiu outra ideia, a de quebrar o espelho, de reduzir minha rival a nada; no entanto, vencê-la com brutal violência significaria reconhecer a supremacia dela sobre mim, o que seria humilhante. Prefiri ficar lá, disposta a levar a cabo essa luta que tinha iniciado, mesmo que corresse o risco de ser derrotada.

Pouco depois, não havia mais dúvidas de que minha rival triunfava. Seu poder sobre mim, concentrado em seu olhar, aumentava a cada encontro. Perdi aos poucos toda capacidade de não me acercar, ao menos uma vez por dia, daquele espelho. Minha rival ordenava que me quedasse diariamente várias horas na frente dela. Manipulava minha vontade como um magnetizador manipularia a vontade de um sonâmbulo. Dispunha de minha vida como uma senhora disporia da vida de uma serva. Acabei por fazer tudo quanto ela mandasse, transformei-me no autômato de suas

моих воспоминаниях. Я, по обыкновению, ушла в свой будуар рано, в самом начале зимних сумерек. Я поставила перед зеркалом мягкое кресло без спинки, села и отдалась ей. Она без замедления явилась на зов, тоже поставила кресло, тоже села и стала смотреть на меня. Тёмные предчувствия томили мою душу, но я не властна была опустить своё лицо и должна была принимать в себя наглый взгляд соперницы. Проходили часы, налегали тени. Никто из нас двух не зажгёт огня. Стекло слабо блестело в темноте. Изображения были уже едва видимы, но самоуверенные глаза смотрели с прежней силой. Я не чувствовала злости или ужаса, как в другие дни, но только неутолимую тоску и горечь сознания, что я во власти другого. Время плыло, и я уплывала с ним в бесконечность, в чёрный простор бессилия и безволия.

Вдруг она, та, отражённая, – встала с кресла. Я вся задрожала от оскорбления. Но что-то непобедимое, что-то принуждавшее меня извне заставило встать и меня. Женщина в зеркале сделала шаг вперёд. Я тоже. Женщина в зеркале простёрла руки. Я

tácitas exigências. Sabia que ela me conduzia – premeditada, cautelosa, mas inelutavelmente – rumo à perdição e não resistia mais. Desvendara o plano secreto dela: arrastar-me para o mundo espelhado, passando, ela própria, dali para o nosso mundo... só que não tinha forças para detê-la. Meu marido e meus parentes, que me viam permanecer longas horas, dias inteiros e noites inteiras, defronte ao espelho, achavam-me ensandecida, queriam tratar de minha doença. E eu não tinha a coragem de lhes revelar os fatos, sendo-me proibido contar para eles toda a verdade terrível, todo aquele horror do qual me aproximava.

Minha ruína se consumou num dia de dezembro, às vésperas das festas. Relembro tudo de forma clara, circunstanciada e nítida: nada se confundiranas minhas lembranças. Como de praxe, fui até minha alcova cedo, bem ao cair do crepúsculo hibernal. Coloquei, de frente para o espelho, a minha macia poltrona sem espaldar, sentei-me e entreguei-me àquela mulher. Ela não demorou em atender ao meu chamado, também colocou lá a sua poltrona, também se

тоже. Смотря всё прямо на меня гипнотизирующими и повелительными глазами, она всё подвигалась вперёд, а я шла ей навстречу. И странно: при всём ужасе моего положения, при всей моей ненависти к моей сопернице, где-то в глубине моей души трепетало жуткое утешение, затаённая радость – войти, наконец, в этот таинственный мир, в который я всматривалась с детства и который до сих пор оставался недоступным для меня. Мгновениями я почти не знала, кто кого влечёт к себе: она меня, или я её, она ли жаждет моего места, или я задумала всю эту борьбу, чтобы заместить её.

Но когда, подвигаясь вперёд, мои руки коснулись у стекла её рук, я вся помертвела от омерзения. А она властно взяла меня за руки и уже силой повлекла к себе. Мои руки погрузились в зеркало, словно в огненно-студёную воду. Холод стекла проник в моё тело с ужасающей болью, словно все атомы моего существа переменили своё взаимоотношение. Ещё через мгновение я лицом коснулась лица моей соперницы, видела её глаза перед самыми моими

sentou e pôs-se a olhar para mim. Minha alma se angustiava com vagos pressentimentos, mas não estava em meu poder abaixar o rosto, devendo eu absorver o olhar insolente de minha rival. Passavam-se horas, adensavam-se sombras. Nenhuma de nós duas acendera o fogo. O vidro cintilava de leve na escuridão. As imagens estavam já quase indiscerníveis, porém aqueles olhos audazes olhavam com a mesma força. Eu não sentia raiva nem medo, como noutros dias, apenas uma tristeza inconsolável, conscientizando-me com amargor de ser dominada por outrem. O tempo fluía, e eu zarpava com ele para o infinito, para a imensidão negra da inércia e da apatia.

De chofre, aquela outra mulher, a espelhada, levantou-se da sua poltrona. Fiquei toda trêmula dessa afronta. Mas algo irresistível, algo que me influenciava de fora, fez com que eu também me levantasse. A mulher do espelho deu um passo para frente. Eu também. A mulher do espelho estendeu os braços. Eu também. Fitando-me, o tempo todo, com seus olhos hipnotizantes e prepotentes, ela não cessava de avançar, enquanto eu

глазами, слилась с ней в чудовищном поцелуе. Всё исчезло в мучительном страдании, несравнимом ни с чем, – и, очнувшись из этого обморока, я уже увидела перед собой свой будуар, на который смотрела из зеркала. Моя соперница стояла передо мной и хохотала. А я – о жестокость! – я, которая умирала от муки и унижения, я должна была смеяться тоже, повторяя все её гримасы, торжествующим и радостным смехом. И не успела я ещё осмыслить своего состояния, как моя соперница вдруг повернулась, пошла к дверям, исчезла из моих глаз, и я вдруг впала в оцепенение, в небытие.

После этого началась моя жизнь как отражения. Странная, полусознательная, хотя тайно сладостная жизнь. Нас было много в этом зеркале, тёмных душ, дремлющих сознаний. Мы не могли говорить одна с другой, но чувствовали близость, любили друг друга. Мы ничего не видели, слышали смутно, и наше бытие было подобно изнеможению от невозможности дышать. Только когда существо из мира людей подходило к зеркалу, мы, внезапно восприняв его облик, могли

ia ao seu encontro. E, coisa estranha: apesar de todo o horror de minha situação, apesar de todo o meu ódio pela minha rival, vibrava algures, no fundo de minha alma, um consolo terrificante, uma recôndita alegria, a de poder entrar, afinal, naquele mundo misterioso que tinha observado desde criança e que fora, até então, inacessível para mim. Quase ignorava por momentos quem atraía a quem, ela a mim ou eu a ela, e se era ela quem almejava tomar meu lugar ou se eu mesma inventara toda aquela luta a fim de substituí-la.

Mas quando, ao avançarmos, as minhas mãos tocaram nas dela junto ao vidro, fiquei semimorta de aversão. E ela pegou, imperiosa, nas minhas mãos e, já usando de força, puxou-me para si. Minhas mãos adentraram o espelho, como se imergissem numa água queimante de tão gelada. O frio do espelho penetrou-me o corpo com uma dor tétrica, como se todos os átomos de meu ser alterassem suas relações mútuas. Mais um instante, e o meu rosto veio a roçar no de minha rival; eu via os olhos dela rente aos meus, juntei-me a ela num beijo monstruoso. Tudo desapareceu em

взглянуть в мир, различить голоса, вздохнуть всей грудью. Я думаю, что такова жизнь мёртвых – неясное сознание своего «я», смутная память о прошлом и томительная жажда хотя бы на миг воплотиться вновь, увидеть, услышать, сказать... И каждый из нас таил и лелеял заветную мечту освободиться, найти себе новое тело, уйти в мир постоянства и незыблемости.

Первые дни я чувствовала себя совершенно несчастной в своём новом положении. Я ещё ничего не знала, ничего не умела. Покорно и бессмысленно принимала я образ моей соперницы, когда она приближалась к зеркалу и начинала насмехаться надо мной. А она делала это довольно часто. Ей доставляло великое наслаждение щеголять передо мной своей жизненностью, своей реальностью. Она садилась и заставляла сесть меня, вставала и ликовала, видя, что я встала, размахивала руками, танцевала, принуждала меня удваивать её движения и хохотала, хохотала, чтобы хохотала и я. Она кричала мне в лицо обидные слова, а я не могла отвечать ей. Она грозила мне кулаком

meio àquele sofrimento pungente que não se compararia a nada, e, uma vez acordada daquela síncope, vi minha alcova que contemplava já de dentro do espelho. Postada diante de mim, minha rival gargalhava. E eu – ó crueldade! –, eu que estava morrendo de angústia e humilhação, eu tinha de rir também, repetindo todos os seus esgares, com um riso triunfante e jovial. Mal conseguia abranger essa minha situação, quando minha rival me virou de improviso as costas, foi em direção às portas, sumiu dos meus olhos, e eu caí subitamente num estupor, numa inexistência.

Foi assim que passei a viver como um reflexo. Era uma vida estranha, meio inconsciente, embora secretamente prazerosa. Estávamos muitas naquele espelho, nós, almas obscuras e consciências adormecidas. Não podíamos conversar, mas nos sentíamos próximas e amávamos uma à outra. Não enxergávamos nada, ouvíamos a custo, e nossa existência se assemelhava àquela exaustão ocasionada pela falta de ar. Só quando um ser pertencente ao mundo humano chegava perto do espelho, nós conseguíamos, adotando num átimo

и издевалась над моим обязательным повторным жестом. Она поворачивалась ко мне спиной, и я, теряя зрение, теряя лик, сознавала всю постыдность оставленного мне половинного существования... И потом, вдруг, она одним ударом перевёртывала зеркало вокруг оси и с размаха бросала меня в полное небытие.

Однако понемногу оскорбления и унижения пробудили во мне сознание. Я поняла, что моя соперница теперь живёт моей жизнью, пользуется моими туалетами, считается женой моего мужа, занимает в свете моё место. Чувство ненависти и жажда мести выросли тогда в моей душе, как два огненных цветка. Я стала горько клясть себя за то, что по слабости или по преступному любопытству дала победить себя. Я пришла к уверенности, что никогда эта авантюристка не восторжествовала бы надо мной, если бы я сама не помогала ей в её кознях. И вот, освоившись несколько с условиями моего нового бытия, я решилась поведать с ней ту же борьбу, какую она вела со мной. Если она, тень, сумела занять место действительной

sua imagem, olhar para esse mundo, distinguir umas vozes, respirar a plenos pulmões. Acho que assim é a existência dos mortos: imprecisa consciência de seu “eu”, confusas recordações do passado e sede aflitiva de reencarnar, nem que seja por um instante, de voltar a ver, a ouvir, a falar... E qualquer uma de nós guardava e acalentava o íntimo sonho de se libertar, de encontrar um novo corpo, de alcançar o mundo da constância e da inabalabilidade.

Nos primeiros dias, eu me sentia totalmente infeliz nesse meu novo estado. Ainda não sabia nada, não entendia nada. Absurdamente submissa, assumia a imagem de minha rival, quando esta se aproximava do espelho e começava a zombar de mim. E ela fazia isso amiúde. Deleitava-se muito em ostentar para mim sua vitalidade e sua veracidade. Ela se sentava e fazia com que eu me sentasse também, ficava de pé e rejubilava-se vendo que eu também me levantara, agitava os braços, dançava, impelia-me a duplicar seus movimentos e gargalhava, gargalhava para eu também gargalhar. Gritava-me, bem na cara, palavras ofensivas, e

женщины, неужели же я, человек, лишь временно ставший тенью, не буду сильнее призрака?

Я начала очень издалека. Сперва я стала притворяться, что насмешки моей соперницы мучат меня всё нестерпимей. Я доставляла ей нарочно все наслаждения победы. Я дразнила в ней тайные инстинкты палача, прикидываясь изнемогающей жертвой. Она поддалась на эту приманку. Она увлеклась этой игрой со мной. Она расточала своё воображение, выдумывая новые пытки для меня. Она изобретала тысячи хитростей, чтобы ещё и ещё раз показать мне, что я – лишь отражение, что своей жизни у меня нет. То она играла передо мной на рояли, муча меня беззвучностью моего мира. То она, сидя перед зеркалом, глотала маленькими глотками мои любимые ликёры, заставляя меня только делать вид, что я тоже их пью. То, наконец, приводила в мой будуар людей мне ненавистных и перед моим лицом отдавала им целовать своё тело, позволяя им думать, что они целуют меня. И после, оставшись наедине со мной, она хохотала злорадным и торжествующим

eu não podia responder-lhe. Ameaçava-me com seu punho e caçoava de meu obrigatório gesto imitativo. Depois me virava as costas, e eu compreendia, perdendo a visão, perdendo a minha imagem, quão vergonhosa era aquela metade da existência que ela me deixara... Por fim, com uma só pancada inesperada, ela girava o espelho em volta de seu eixo e precipitava-me de ímpeto numa inexistência completa.

Entretanto, essas ofensas e humilhações despertaram, pouco a pouco, minha consciência. Percebi que minha rival vivia agora minha vida, usava meus trajes, era considerada esposa de meu marido e ocupava meu lugar na sociedade. O sentimento de ódio e a sede de vingança cresceram então em minha alma, iguais a duas flores em chamas. Vim a censurar-me amargamente por me ter deixado vencer, fosse em razão de minha fraqueza ou de minha curiosidade delituosa. Acabei por me convencer de que aquela aventureira não teria jamais triunfado sobre mim se eu mesma não a tivesse auxiliado em suas maquinações. E eis que decidi, um tanto habituada às condições de

смехом. Но этот хохот уже не уязвлял меня; на его острие была сладость: моё ожидание мести!

Незаметно, в часы её надругательств надо мной, я приучала мою соперницу смотреть мне в глаза, овладевала постепенно её взором. Скоро по своей воле я уже могла заставляя её подымать и опускать веки, делать то или иное движение лицом. Торжествовать уже начинала я, хотя и скрывала своё чувство под личиной страдания. Сила души возрастала во мне, и я осмеливалась приказывать моему врагу: сегодня ты сделаешь то-то, сегодня ты поедешь туда-то, завтра придёшь ко мне тогда-то. И она исполняла! Я опутывала её душу сетями своих хотений, сплетала твёрдую нить, на которой держала её волю, ликовала втайне, отмечая свои успехи. Когда она однажды, в час своего хохота, вдруг уловила на моих губах победную усмешку, которой я не могла скрыть, было уже поздно. Она с яростью выбежала тогда из комнаты, но я, впадая в сон своего небытия, знала, что она вернётся, знала, что она подчинится мне! И восторг победы реял над моим

minha nova existência, travar com ela a mesma luta que ela travara comigo. Se ela, tão só uma sombra, conseguira tomar o lugar de uma mulher real, seria possível que eu, uma pessoa transformada em sombra tão só temporariamente, não fosse mais forte que esse fantasma?

Comecei bem de longe. A princípio, fingi que as caçadas de minha rival eram cada vez mais insuportáveis para mim. Proporcionava-lhe propositalmente todos os gozos da vitória. Titilava seus ocultos instintos de algoz, dando-me ares de uma vítima extenuada. Ela mordeu a isca. Empolgou-se com esse jogo comigo. Esbanjava sua engenhosidade a inventar novas torturas para mim. Concebia milhares de artimanhas para me mostrar, uma e outra vez, que eu não passava de um reflexo, que não tinha uma vida própria. Ora tocava piano em minha frente, torturando-me com o silêncio de meu mundo; ora, sentada defronte ao espelho, bebia em goles miúdos aqueles licores de que eu mais gostava, forçando-me a fazer de conta que eu também os bebia; ora, finalmente, trazia para a minha alcova

безвольным бессилием, радужным веером прорезал мрак моей мнимой смерти.

Она вернулась! Она пришла ко мне в гневе и страхе, кричала на меня, грозила мне. А я ей приказывала. И она должна была повиноваться. Началась игра кошки с мышью. В любой час я могла вбросить её вновь в глубь стекла и выйти вновь в звонкую и твёрдую действительность. Она знала, что это – в моей воле, и такое сознание мучило её вдвое. Но я медлила. Мне было сладостно нежиться порой в небытии. Мне было сладостно упиваться возможностью. Наконец (это странно, не правда ли?), во мне вдруг пробудилась жалость к моей сопернице, к моему врагу, к моему палачу. Всё же в ней было что-то моё, и мне страшно было вырвать её из яви жизни и обратить в призрак. Я колебалась и не смела, я давала отсрочки день за днём, я сама не знала, чего я хочу и что меня ужасает.

И вдруг, в ясный весенний день, в будуар вошли люди с досками и топорами. Во мне не было жизни, я лежала в сладострастном оцепенении, но, не видя, поняла, что они здесь. Люди стали хлопотать

as pessoas que eu detestava e permitia, em minha presença, que lhe beijassem o corpo, deixando imaginarem que me beijavam a mim. Em seguida, a sós comigo, soltava suas risadas maldosas e triunfantes. Mas esse riso não me ulcerava mais; seu ferrão continha uma doçura – a esperança de me vingar dela!

Bem de mansinho, ao longo daquelas horas em que ela me submetia a suas torturas, eu acostumava minha rival a olhar nos meus olhos, gradualmente me apossava de seu olhar. Pouco depois, de acordo com minha vontade, já podia obrigá-la a erguer e a baixar as pálpebras, a fazer tal ou tal movimento facial. Era eu mesma que já começava a triunfar, conquanto dissimulasse as minhas emoções com uma máscara de sofrimento. Minha força espiritual aumentava, ousando eu ordenar à minha inimiga: hoje farás tal coisa, hoje irás a tal lugar, amanhã me visitarás a tal hora. E ela cumpria as ordens! Eu envolvia sua alma em teias de meus desejos, tecia um fio rijo para amarrar a sua vontade, regozijava-me em segredo ao reparar em bons resultados. Um dia, quando ela

около зеркала, которое было моей вселенной. И одна за другой души, населявшие её вместе со мной, пробуждались и принимали призрачную плоть в форме отражений. Страшное беспокойство заколебало мою сонную душу. Предчувствуя ужас, предчувствуя уже непоправимую гибель, я собрала всю мощь своей воли. Каких усилий стоило мне бороться с истомой полубытия! Так живые люди борются иногда с кошмаром, вырываясь из его душащих уз к действительности.

Я сосредоточивала все силы своего внушения на зове, устремлённом к ней, к моей сопернице: «Приди сюда!» Я гипнотизировала, магнетизировала её всем напряжением своей полусонной воли. А времени было мало. Зеркало уже качали. Уже готовились забивать его в дощатый гроб, чтобы везти: куда – неизвестно. И вот, почти в смертельном порыве, я позвала вновь и вновь: «Приди!..» И вдруг почувствовала, что оживаю. Она, мой враг, отворила дверь и, бледная, полумёртвая, шла навстречу мне, на мой зов, упирающимся шагами, как идут на казнь. Я схватила в свои глаза

vislumbrou de repente, em meio às suas gargalhadas, um sorriso vitorioso em meus lábios, algo que eu não pudera dissimular, era tarde demais. Enfurecida, ela saiu então a correr do quarto, mas eu já sabia, recaindo no sono de minha inexistência, que havia de voltar, sabia que me obedeceria! E o êxtase da vitória pairava sobre a minha inércia apática, abrindo seu leque versicolor para dissipar as trevas de minha pretensa morte.

Ela voltou! Veio tomada de cólera e de medo, gritava comigo, ameaçava-me. Mas eu lhe dava ordens. E ela tinha de obedecer. Fomos brincando de gato e rato. A qualquer hora eu poderia jogá-la de volta às profundezas daquele vidro e passar outra vez para a realidade sonora e firme. Ela sabia que isso dependia de minha vontade, e seu sofrimento dobrava por sabê-lo. Contudo, eu não me apressava. Sentia prazer, vez por outra, em refestelar-me assim na inexistência. Deliciava-me com a própria possibilidade que possuía. Afinal (é estranho, não é?), percebi de chofre que estava com pena de minha rival, de minha inimiga, de meu algoz. Feitas as contas, havia nela certa parte

её глаза, связала свой взор с её взором и после этого уже знала, что победа за мной.

Я тотчас заставила её выслать людей из комнаты. Она подчинилась, не сделав даже попытки сопротивляться. Мы вновь были вдвоём. Медлить было больше нельзя. Да и не могла я простить ей коварства. На её месте, в своё время, я поступала иначе. Теперь я безжалостно приказала ей идти мне навстречу. Стон муки открывал её губы, глаза расширились, как перед призраком, но она шла, шатаясь, падая, – шла. Я тоже шла навстречу ей, с губами, искривлёнными торжеством, с глазами, широко открытыми от радости, шатаясь от пьянящего восторга. Снова соприкоснулись наши руки, снова сблизилась наши губы, и мы упали одна в другую, сжигаемые невыразимой болью перевоплощения. Через миг я была уже перед зеркалом, грудь моя наполнилась воздухом, я вскрикнула громко и победно и упала здесь же, перед трюмо, ниц от изнеможения.

Ко мне вбежали мой муж, люди. Я только могла проговорить, чтобы исполнили мой прежний приказ,

de mim, e eu temia arrancá-la da vida real e transformá-la num fantasma. Fiquei hesitando: intimidada, postergava o desfecho dia após dia, sem saber, eu mesma, o que me apetecia nem o que me amedrontava.

E eis que, num claro dia primaveril, uns homens entraram em minha alcova com tábuas e machados. Exânime, eu jazia num estupor voluptuoso, mas entendi sem ver que eles estavam lá. Esses homens se azafamavam perto do espelho que era meu universo. E as almas, que o povoavam iguais a mim, acordavam uma por uma e revestiam-se de carne ilusória em forma de reflexos. Uma terrível inquietação agitou minha alma sonolenta. Pressentindo um horror, pressentindo uma perda já irremediável, juntei todas as forças de minha vontade. Quantos esforços é que me custou lutar com a languidez dessa semiexistência! Assim as pessoas vivas lutam às vezes com um pesadelo, livrando-se de seus sufocantes grilhões em busca pela realidade.

Concentrei toda a potência de minha persuasão num apelo dirigido a ela, à minha rival: “Vem aqui!”

чтобы унесли из дому, прочь, совсем, это зеркало. Это было умно придумано, не правда ли? Ведь та, другая, могла воспользоваться моей слабостью в первые минуты моего возвращения к жизни и отчаянным натиском попытаться вырвать у меня из рук победу. Отсылая зеркало из дому, я на долгое, на любое время обеспечивала себе спокойствие, а соперница моя заслуживала такое наказание за своё коварство. Я её поражала её собственным оружием, клинком, который она сама подняла на меня.

Отдав приказание, я лишилась чувств. Меня уложили в постель. Позвали врача. Со мной сделалась от всего пережитого нервная горячка. Близкие уже давно считали меня больной, ненормальной. В первом порыве ликования я не остереглась и рассказала им всё, что со мной было. Мои рассказы только подтвердили их подозрения. Меня перевезли в психиатрическую лечебницу, где я нахожусь и теперь. Всё моё существо, я согласна, ещё глубоко потрясено. Но я не хочу оставаться здесь. Я жажду вернуться к радостям жизни, ко всем бесчисленным утехам, которые

Hipnotizava-a, magnetizava-a com toda a tensão de minha vontade meio adormecida. Restava, porém, pouco tempo. Já balançavam o espelho, já se aprontavam para enfiá-lo num caixão de tábuas para levá-lo não se sabia aonde. E foi então que tornei a chamar num ímpeto quase mortal: “Vem!...” Senti repentinamente que revivia. Ela, minha inimiga, abriu a porta e, pálida, semimorta, vinha ao meu encontro, obediente ao meu chamado, resistindo a cada passo como quem fosse ao suplício. Capturei os olhos dela com os meus, atei o meu olhar ao dela e, feito isso, já sabia que tinha vencido.

Obriguei-a de imediato a mandar aqueles homens embora. Ela obedeceu sem sequer tentar resistir. Ficamos de novo a sós. Não havia mais tempo a perder. Ademais, eu não poderia relevar sua perfídia. Quando estava, noutros tempos, em seu lugar, agia de outra maneira. Só que agora mandei, inexorável, que ela viesse ao meu encontro. Um doloroso gemido abria-lhe os lábios, suas pupilas se dilatavam como em face de uma aparição, mas ela vinha – cambaleava, quase caía, mas vinha. Eu também ia ao seu encontro, lábios crispados de

доступны живому человеку. Слишком долго я была лишена их.

Кроме того, – сказать ли? – у меня есть одно дело, которое мне необходимо совершить как можно скорее. Я не должна сомневаться, что это – я. И всё же, когда я начинаю думать о той, заточённой в моём зеркале, меня начинает охватывать странное колебание: а что, если подлинная я – там? Тогда я сама, я, думающая это, я, которая пишу это, я – тень, я – призрак, я – отражение. В меня лишь перелились воспоминания, мысли и чувства той, другой меня, той, настоящей. А в действительности я брошена в глубине зеркала в небытие, томлюсь, изнемогая, умираю. Я знаю, я почти знаю, что это неправда. Но, чтобы рассеять последние облачка сомнений, я должна вновь, ещё раз, в последний раз, увидеть то зеркало. Мне надо посмотреть в него ещё раз, чтобы убедиться, что там – самозванка, мой враг, игравший мою роль в течение нескольких месяцев. Я увижу это, и всё смятение моей души минет, и я буду вновь беспечной, ясной, счастливой. Где это зеркало, где я его найду? Я

júbilo, olhos enormes de alegria, cambaleando de meu enlevo inebriante. Nossas mãos se tocaram de novo, nossos lábios se juntaram de novo, e desabamos, uma dentro da outra, queimadas pela inexprimível dor da transfiguração. Um instante depois, eu já estava diante do espelho; meu peito se encheu de ar e, soltando um grito alto e vitorioso, caí de bruços lá mesmo, em frente ao meu tremó, toda exausta.

Entraram correndo meu marido e outras pessoas. Consegui pedir apenas para cumprirem a minha ordem anterior e levarem embora de minha casa, bem longe e para sempre, aquele espelho. Foi uma decisão sábia, não foi? Pois aquela outra mulher teria podido aproveitar-se de minha fraqueza, logo nos primeiros minutos em que eu retornava à vida, e tentar arrancar a vitória das minhas mãos com uma investida desesperada. Ao mandar o espelho embora, eu me garantia o sossego por muito tempo, pelo prazo que desejasse; quanto à minha rival, ela merecia esse castigo pela sua perfídia. Atingi-a com sua própria arma, com a lâmina que ela mesma usara contra mim.

*должна, я должна ещё раз заглянуть в
его глубь!..*

Dada a ordem, perdi os sentidos. Deitaram-me na cama. Chamaram um médico. Tive, por causa de tudo o que aturara, uma febre nervosa. Meus familiares achavam, já havia tempos, que eu fosse doente, anormal. Num primeiro rasgo de júbilo, descuidei-me e contei para eles tudo quanto me ocorrera. Meus relatos só confirmaram aquelas suas suposições. Transportaram-me para um sanatório, onde estou até hoje. Concordo: todo o meu ser continua profundamente abalado. Mas eu não quero ficar aqui. Anseio recuperar os prazeres da vida, todos os inúmeros gozos a que tem acesso quem estiver vivo. Passei tanto tempo privada deles!

Além disso – será que o digo? –, tenho cá uma coisa, algo que preciso concluir o mais depressa possível. Não devo mais duvidar de que esta sou eu mesma. Ainda assim, quando me ponho a pensar naquela mulher confinada em meu espelho, uma estranha hesitação começa a dominar-me: e se meu “eu” autêntico está lá? Então eu mesma, eu que penso nisto, eu que escrevo isto, sou apenas uma sombra, um fantasma, um reflexo.

Apenas absorvi as lembranças, os pensamentos e os sentimentos daquele meu outro “eu”, do meu “eu” verdadeiro. E, na realidade, permaneço abandonada no fundo daquele espelho, inexistente, esmorecida de tanto sofrer, morrendo. Eu sei, quase sei que não é verdade. Mas, para desvanecer as últimas nuvenzinhas de dúvidas, preciso de novo, mais uma vez, uma última vez, defrontar aquele espelho. Preciso olhar para ele mais uma vez, para me convencer de que ali se esconde uma impostora, minha inimiga que desempenhou meu papel durante alguns meses. Verei isso, e toda a angústia de minha alma terminará, e voltarei a ser despreocupada, serena, feliz. Onde está aquele espelho, onde vou encontrá-lo? Preciso, preciso mesmo olhar, mais uma vez, nas suas profundezas!...

(1873-1924)

Valéri Briúsov retratado por Mikhail Vrubel

Nota biográfica de Valéri Yákovlevitch Briúsov

Um dos maiores poetas russos do século XX, Valéri Yákovlevitch Briúsov (1873-1924) nasceu em Moscou, numa família culta e abastada. Começou a escrever versos aos 13 anos de idade. Estudou na Faculdade de História e Letras da Universidade de Moscou. Ao estreiar na literatura em 1895, com a seleta poética *Chefs-d'œuvre*, ficou reconhecido como criador e líder do simbolismo literário na Rússia. Publicou diversos livros de poesia (*Tertia vigilia*, 1900; *Urbi et Orbi*, 1903; *Στεφανος*, 1905; *Todos os cantos*, 1909; *O espelho das sombras*, 1912; *As sete cores do arco-íris*, 1916, entre outros), além de romances (*Anjo de fogo*, 1907; *O altar da vitória*, 1913), novelas (*As últimas páginas do diário de uma mulher*, 1910) e contos. Dedicou-se igualmente à crítica literária, traduziu várias obras poéticas do francês,

inglês e outras línguas europeias. Foi um dos dirigentes da casa editorial *O escorpião* (1899-1915) e da revista *A balança* (1904-1909). Após a revolução de 1917 colaborou com o governo comunista, chegando a ser presidente da União dos Poetas Russos e reitor do Instituto Superior de Literatura e Arte. Faleceu em Moscou, cidade em que passou a maior parte de sua vida.

Oleg Almeida nasceu na Bielorrússia em 1971 e está radicado no Brasil desde 2005. É poeta, ensaísta e tradutor multilíngue, sócio da União Brasileira de Escritores (UBE/São Paulo). Autor dos livros de poesia *Memórias dum hiperbóreo* (2008; Prêmio Internacional Il Convivio de 2013), *Quarta-feira de Cinzas e outros poemas* (2011; Prêmio Literário Bunkyo de 2012), *Antologia cosmopolita* (2013) e de numerosas traduções do russo (*Diário do subsolo*, *O jogador*, *Crime e castigo* e *Memórias da Casa dos mortos* de Fiódor Dostoiévski; *Pequenas tragédias* de Alexandr Púchkin; *Canções alexandrinas* de Mikhail Kuzmin; *Contos russos*, vv. I-III) e do francês (*O esplim de Paris: pequenos poemas em prosa* de Charles Baudelaire; *Os cantos de Bilítis* de Pierre Louÿs).

Recebido em: 09/01/2017
Aprovado em: 04/05/2017
Publicado em junho de 2017